

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersburg Journal
of Oriental Studies

выпуск 2

volume 2

Центр

"Петербургское Востоковедение"

и

Издательско-Коммерческая Фирма

"В о д о л е й"

Санкт-Петербург

1992

С в е т л о й п а м я т и

Ольги Лазаревны Фишман

Ольга Лазаревна Фишман

Исследователь, переводчик, педагог (1919-1986)

Л.Н.Меньшиков

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

Ольга Лазаревна Фишман многие годы была для ленинградских китаеведов образцом трудолюбия, исследовательских устремлений и доброжелательства. Крупный советский китаевед, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, она была человеком яркого таланта, огромной трудоспособности и эрудиции, большого общественного темперамента, искренним и неравнодушным.

О.Л.Фишман родилась в Одессе 19 июня 1919 г. Она считала себя одесситкой (в семье у нее живы были одесские традиции), но одесской жительницей она не стала: в 1924 г. ее семья переехала в Ленинград, и с городом на Неве связана вся ее сознательная жизнь. Неоспоримо важную роль в ее формировании сыграл ее отец, Л.И.Фишман, известный в Ленинграде юрист, любитель и знаток книги и литературы, прежде всего русской. В 1937 г. она поступила на Восточный факультет Ленинградского Университета, где обучалась на кафедре китайской филологии, возглавлявшейся академиком В.М.Алексеевым. Курс обучения она завершила досрочно, за четыре года вместо полагавшихся пяти, и в 1941 г., перед самым началом Отечественной войны, получила диплом об окончании университета. Вскоре началась война, и она уже ассистентом кафедры выехала вместе с университетом в эвакуацию в Саратов в самом начале 1942 г. Активная общественница, она в трудные годы проявила себя способным организатором и в 1942 г. вступила в Коммунистическую партию. За это время, когда всем справедливо представлялась главным делом помощь фронту, Ольга

Лазаревна находит возможность и для научной работы. Тогда ее впервые увлекла тема культурных взаимоотношений Китая и Европы и особенно восприятия Китая в Европе. С этой проблемой, подсказанной В.М.Алексеевым, была связана ее кандидатская диссертация "Ли Бо в европейской науке", выполненная под его руководством. Во время эвакуации, когда В.М.Алексеев находился в Боровом, в Казахстане (ныне Кокчетавская область), одном из мест пребывания учреждений Академии Наук в военное время, консультации проводились по постоянной непрерывавшейся переписке.

После возвращения из эвакуации О.Л.Фишман стала постоянным помощником В.М.Алексеева и близким другом его семьи. Войной и блокадой были унесены многие ученики В.М.Алексеева: К.К.Флуг, К.А.Разумовский, В.Н.Казин, Ю.В.Бунаков, Л.Н.Рудов. Другие исчезли ранее, в 30-е годы, став жертвами сталинских репрессий: Ю.К.Щуцкий, Б.А.Васильев, Н.А.Невский, А.А.Штукин, П.Е.Скачков. Ни известный экономист В.М.Штейн, ставший учеником академика в области китайской философии, ни О.Л.Фишман, не могли, конечно, в полной мере заполнить образовавшийся вакуум, но их появление в окружении В.М.Алексеева, несомненно, поддержало его в последнее десятилетие его жизни.

В 1946 г. состоялась защита кандидатской диссертации О.Л.Фишман. Оппонентами были Г.Ф.Смыкалов и Л.З.Эйдлин, была по тогдашним обычаям сочинена эпиграмма, намекавшая на старческую неторопливость первого и любовь к фигурным выражениям второго: "Один был слишком медлен, другой был слишком Эйдлин", - и Ольга Лазаревна стала старшим преподавателем кафедры китайской филологии, ее секретарем и наиболее активным помощником ее главы. В.М.Алексеев был человеком нестандартным и поэтому нередко вступал в противоречие с указаниями университетской администрации. Выйдя из себя, он часто обращался к тогдашнему декану Восточного факультета В.М.Штейну с просьбой "пойти к ректору и объяснить ему, что он в китаеведении ничего не понимает".

В.М.Штейн выполнял это поручение, облачив его в самую дипломатическую форму. Но если под рукой оказывалась Ольга Лазаревна, она в точности повторяла сказанное академиком, после чего декану приходилось сглаживать образовавшиеся острые углы, и он даже просил ее в таких случаях сначала послушать его совета.

В Университете на китайской кафедре полностью развернулся педагогический талант Ольги Лазаревны. Среди учившихся у нее, кроме автора этих строк, были такие известные ученые, как покойный В.В.Петров, Е.А.Серебряков, С.Е.Яхонтов, Р.Ф.Итс. Стремительно войдя в аудиторию, она в первые же мгновения завладевала вниманием слушателей, и это внимание от лекции к лекции не ослабевало. В ее обязанности входил, кроме общей для всех преподавателей обязанности чтения со студентами китайских текстов, спецкурс "Словари, справочники, библиография", параллельный "Введению в китайскую филологию", читавшемуся самим главой кафедры. В.М.Алексеев полагал, что главным в преподавании в университете должно быть прививание студентам навыков научной работы. В своем теоретическом "Введении" он давал общие установки для китаеведческой работы, рассказывал об организации труда китаеведа, роли китайского текста и иностранных языков в работе синоведа, раскрывал способы прочтения и усвоения произведений китайской литературы в ее наиболее сложных вариантах, делясь во всех случаях своим многолетним опытом ученого. Одним из важнейших методов в обучении он считал свободное владение справочными пособиями, точное знание, какие сведения можно извлечь из них. Много лет свои критические оценки справочников В.М.Алексеев фиксировал в своде, который назвал "Рабочей библиографией китаиста". Практический курс который вела О.Л.Фишман, как раз и основывался на рекомендациях В.М.Алексеева в его библиографии, которой Ольга Лазаревна была тогда чуть ли не единственным читателем (эта работа не издана по сей день). В параллельных курсах В.М.Алексеев и его ученица составляли блистательный дуэт, где первую скрипку играл, конечно, сам академик, но где отпечатавалась также незаурядная личность О.Л.Фишман.

Одновременно Ольга Лазаревна была взята на полставки в Институт востоковедения АН СССР в качестве одного из авторов-расписчиков картотеки Большого китайско-русского словаря, грандиозного китаеведческого предприятия, начатого еще в середине 30-х годов по инициативе и под руководством В.М.Алексеева, стоявшего во главе Китайского кабинета института. Словарь не был окончен, но его обширные картотеки были в полной мере использованы при составлении "Китайско-русского словаря" под ред. проф. И.М.Ошанина (1952, переиздания в 1955 и 1959 гг.) и "Большого китайско-русского словаря" в четырех томах под той же редакцией (1983-1984).

Педагогическая деятельность О.Л.Фишман продолжалась недолго. В 1949 г., незадолго до конца первого семестра, она не пришла на занятия. Встретив ее в коридоре факультета, мы спросили, когда будет следующее занятие, и получили ответ: "Никогда. Я уволена". Наше недоумение было парировано ее словами: "У меня арестован муж". По тем временам мало кто сомневался, что это - вполне достаточное основание не только для увольнения из высшего учебного заведения и отстранения от преподавания.

Конец сороковых годов был временем борьбы против "космополитизма, объективизма, академизма". Академизмом тогда называли приверженность к строгим филологическим методам исследования, сочетаемую со склонностью к изучению прошедших периодов в истории человеческого общества. Объективизмом нарекли научные выводы, в которых ученый старался следовать тому, что говорили ему факты, отказываясь от утверждений, которые из известных ему фактов не проистекали. Но наиболее универсальным было обвинение в космополитизме, что звучало как отсутствие патриотизма, преклонение перед Западом и т.п. При этом под огонь попадали - хотя и не исключительно, но в большинстве - ученые с нерусскими фамилиями, чаще всего евреи (представители "некоренных национальностей"). В Ленинградском университете происходили шумные дискуссии с обсуждением и беспощадным осуждением трудов корифея дореволюционной

филологической науки А.Н.Веселовского (статую его тогда убрали из университетского коридора) с перенесением критического огня на учеников его В.М.Жирмунского, Г.А.Гуковского и других. На Восточном факультете был снят с поста декана и арестован В.М.Штейн. Его место занял Г.В.Ефимов, возглавивший на факультете кампанию против всех перечисленных смертных грехов и их носителей. Восточная специфика этой борьбы заключалась в том, что востоковеды обвинялись в панисламизме, панарабизме, паниранизме и прочих "пан-измах". Многие преподаватели были изгнаны с факультета. Были закрыты почти все отделения, на которых изучался Древний Восток и мертвые языки, кафедры маньчжуристики, гебраистики перестали существовать, другие кафедры были резко ограничены в преподавании древних языков, древней и средневековой истории. Академиков И.Ю.Крачковского, В.М.Алексеева критиковали на собраниях и в стенной печати, закрывали их курсы, как "безыдейные" (еще одно ходовое словечко того времени), проповедующие феодальную идеологию - не было таких эпитетов, которые не были бы применены к представителям науки классического типа. Мне помнится, как на заседание кафедры китайской филологии пришел декан Г.В.Ефимов и с пафосом говорил о "лавочке", которую развел на кафедре академик В.М.Алексеев. На студенческих собраниях декан объявлял: "Хватит вам заниматься лунь-юями" ("Лунь юй" - собрание бесед Конфуция и его учеников) или сообщал о вреде, который нанес факультету "космополит Штейн".

В этой обстановке на О.Л.Фишман обрушивался двойной удар: она была в добрых отношениях не только с В.М.Алексеевым, но и с В.М.Штейном, и с В.М.Жирмунским, и со многими другими представителями отвергаемой академической науки. Ее муж А.Г.Левинтон, крупный германист, был одним из лучших учеников В.М.Жирмунского. После арестов ее мужа и декана ей было предъявлено обвинение, что она не перевоспитала ни того, ни другого. Встал вопрос о ее пребывании в партии. Не спасло и то, что "по поручению партийной организации" (предупредив В.М.Алексеева о невозможности для нее в ее положении отказаться

от этого поручения) она прочла на собрании факультета доклад об ошибках академика; не помогло и то, что она (едва ли не первая в советском китаеведении) опубликовала серию статей о новейшей китайской литературе 30-40-х гг., хотя другим это ставилось в особую заслугу: ходячим было утверждение, что старые китаеведы (и прежде всего акад.В.М.Алексеев и его школа) новым Китаем не интересовались, современную китайскую литературу не считали достойной изучения - это несмотря на то, что сам глава школы еще в начале 20-х годов в журнале "Восток" не раз обращался к новейшим течениям китайской литературы, а его ученики: Б.А.Васильев, В.В.Петров, Л.З.Эйдлин, О.Л.Фишман занимались этой литературой специально, посвящая ей статьи и монографии. Все это во внимание принято не было, и О.Л.Фишман была исключена из партии и изгнана из Университета, равно как и из Института востоковедения.

Несколько лет она добывала хлеб себе и своему малолетнему сыну (будущему известному фольклористу Г.А.Левинтону) подстрочниками для поэтов, переводивших китайскую поэзию, классическую и новую. Среди пользовавшихся ее подстрочниками были А.И.Гитович, В.С.Шефнер, С.В.Ботвинник и другие. Другим источником существования были переводы технической документации с китайского и на китайский. Так, я помогал ей в оформлении и переписке китайского текста паспортов железнодорожных вагонов завода им.Егорова, предназначенных для Китая. Иногда ей удавалось напечатать отдельные статьи и рецензии.

Несмотря на столь трудные обстоятельства, Ольга Лазаревна не оставляла научной работы: ее оставили без зарплаты, но не смогли запретить заниматься наукой. В 1955 г. ей удалось напечатать (в академической серии "Литературные памятники") сборник "Танские новеллы", в котором впервые на русском языке была дана систематическая подборка китайской классической новеллы IX-X вв., снабженная исследованием и комментарием. Наряду с этим в различных сборниках печатаются ее переводы китайских авторов XX века: У Цзу-сяна, Чжао Шу-ли, Сяо Пина,

Тянь Ханя, Цао Юя и др. Но главный ее труд в этом направлении - перевод и исследование рассказов Лу Синя (сборник которых также предназначался для "Литературных памятников") - в свет не вышел, остался в корректурах. Кто-то вовремя проявил бдительность. Тем не менее, некоторые из ее переводов Лу Синя вошли как в четырехтомное собрание сочинений Лу Синя на русском языке (1954), так и в более поздние сборники рассказов писателя.

Но баснословные времена прошли, наступила "хрущевская оттепель". Вернулись из мест заключения В.М.Штейн и А.Г.Левинтон, появились некоторые китаеведы, исчезнувшие в 30-40-е гг. (В.А.Вельгус, П.Е.Скачков, А.Г.Шпринцин, А.А.Штукин). Другим, не возвратившимся - Ю.К.Щуцкому, Б.А.Васильеву, Н.А.Невскому - было возвращено доброе имя, их труды были изданы - в той мере, в какой их удалось сохранить. Не состоялась попытка Г.В.Ефимова лишить О.Л.Фишман кандидатской степени: в университетских архивах не оказалось текста диссертации, а пока ее разыскивали, настали другие времена. Ольга Лазаревна была восстановлена в партии. Однако к педагогической работе в Университете ей вернуться не удалось. Лица, активно содействовавшие ее удалению с факультета, были по-прежнему в большой силе.

Тем временем происходили важные перемены в Институте востоковедения АН СССР. После критических кампаний конца 40-х - начала 50-х годов Институт востоковедения был переведен в Москву, в Ленинграде же остался лишь сектор восточных рукописей, правда, при нем остались и крупные ученые - В.М.Алексеев, И.Ю.Крачковский, А.П.Баранников, В.В.Струве. После XX съезда КПСС, на котором А.И.Микояном был поднят вопрос о развития востоковедения - науки, изучающей пробудившиеся и освободившиеся от колониального гнета страны и народы ("а Институт востоковедения спит!"), востоковедческая наука получила новый импульс (и большое количество штатных единиц). Сектор восточных рукописей был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР во главе с академиком И.А.Орбели. Новый заведующий начал весьма

деятельно собирать в отделении востоковедов, как молодых, кончавших Восточный факультет, так и более старших, по тем или иным причинам не работавших в востоковедении. Среди других в 1958 г. в Ленинградское отделение была принята О.Л.Фишман. С этого времени начинается новый, самый плодотворный период ее научной деятельности. Включилась она и в общественную жизнь Отделения, была секретарем партийной организации, председателем месткома, главой литературоведческого объединения - это последнее сыграло немалую роль в подготовке молодых литературоведов-востоковедов. Она вместе с Е.А.Серебряковым и Б.Б.Вахтиным организует конференцию "Жанры и стили литератур Дальнего Востока" (вскоре конференция стала всесоюзной, руководство ею перешло к Л.З.Эйдлину, и конференции было дано новое название: "Теоретические проблемы литератур Дальнего Востока", что, может быть, и звучало более солидно, но зато менее выразительно). Членом оргкомитета конференции Ольга Лазаревна оставалась до конца своих дней, и ее активный характер много способствовал успеху ее сессий.

С 1958 г. начинают одна за другой выходить в свет работы О.Л.Фишман, принесшие ей известность не только в СССР, но и за рубежом. Часть этих работ была ею выполнена в прежний тяжелый период ее жизни. Первой вышла небольшая брошюра "Ли Бо. Жизнь и творчество" (1958), потом появились популярные очерки шедевров китайской классической литературы и серия блестящих кратких характеристик китайских великих поэтов, включенные в книгу для школы "Страна Хань" (1958). Ранее, еще в 1956 г. была напечатана статья "Изречения Ли Шань-иня", впервые введшая в науку афоризмы известного поэта Ли Шань-иня (IX в.). Большим успехом нужно считать появление в "Литературных памятниках" перевода романа Ли Жу-чжэня (1763?-1830?) "Цветы в зеркале" (1959). Этот один из сложнейших по структуре и содержанию романов китайской литературы переводился коллективом авторов (В.А.Вельгус, Г.О.Монзелер, И.Э.Циперович, О.Л.Фишман) под редакцией проф.В.С.Колоколова. Весьма затейливая ткань романа казалась часто совершенно непере译имой. Ольге Лазаревне

достались главы наиболее головоломные. В части из них описывались литературные поэтические игры героев романа, причем по сравнению с ними наши буриме и акrostихи кажутся детскими игрушками. Переводчица находила неожиданные и впечатляющие приемы передачи этих сложностей на русском языке. На основании переводческих достижений О.Л.Фишман была принята в Союз писателей по секции переводчиков, причем при обсуждении сделанного О.Л.Фишман доклада тогдашний глава секции переводчиков Е.Г.Эткинд особо отмечал виртуозность переводов, звучащих, по его выражению, "странно и удивительно". Став в 1960 году членом Союза писателей, Ольга Лазаревна и там вела активную организационную деятельность, неоднократно избиралась в правление секции Ленинградского отделения Союза.

В "Цветах в зеркале" Ольге Лазаревне была также поручена литературоведческая исследовательская часть. В обширном послесловии (как это принято в "Литературных памятниках") автор увлекательно и оригинально сумела представить и эпоху, и жизнь сочинителя, и самую ткань произведения. Эта статья выглядит и сегодня одной из лучших в научном творчестве О.Л.Фишман. Не считая себя способной к поэтическому переводу, Ольга Лазаревна продолжала выполнять подстрочники для крупнейшего среди профессиональных поэтов переводчика китайской поэзии А.И.Гитовича, отдавшего переводам десять лет своей творческой жизни. О.Л.Фишман связывала с семьей Гитовича тесная дружба, и после смерти поэта в 1966 г. она приложила немало усилий для подготовки к печати нескольких посмертных сборников его стихов.

В своих последующих трудах Ольга Лазаревна стала ориентироваться на то направление востоковедения, которое возглавил академик Н.И.Конрад. Еще в начале своего научного пути она проявила интерес к связям Востока и Запада, была склонна к восточно-западным параллелям. Теория Н.И.Конрада о параллельном развитии Запада и Востока, в котором Восток проходил те же этапы, что и Запад (античность, средневековье, Возрождение, Просвещение) показалась Ольге Лазаревне весьма привлекательной. Ее книга "Китайский сатирический роман эпохи

"Просвещения" (1965), ставшая в 1966 г. ее докторской диссертацией (на защите которой выступали оппонентами сам Н.И.Конрад, а также крупнейшие знатоки китайской литературы Л.З.Эйдлин и Л.Д.Позднеева), - явилась наиболее заметной данью в русле исследований, намеченных Николаем Иосифовичем. Книга была посвящена, в первую очередь, сатирическому роману У Цзин-цзы (1701-1754) "Неофициальная история конфуцианцев". "Обосновавшись" в XVIII веке, Ольга Лазаревна сочла необходимым продолжить исследования литературы этого времени, выбрав для своих дальнейших изысканий трех мастеров китайской короткой новеллы Цзи Юня (1724-1805), Юань Мэя (1716-1797) и Пу Сун-лина (1640-1715).

Исследования этих трех авторов вернули О.Л.Фишман к темам, намеченным и частично выполненным первым учителем ее - акад.В.М.Алексеевым. Дело в том, что Пу Сун-лин (известный больше под псевдонимом Ляо Чжай), его жизнь и творчество, были объектом многолетнего внимания Василия Михайловича. Кроме серии статей, посвященных этому знаменитому в Китае автору, В.М.Алексеев опубликовал четыре сборника переводов его новелл: "Лисьи чары" (1922), "Монахи-волшебники" (1923), "Странные истории" (1928) и "Рассказы о людях необычайных" (1937). Совершенство этих переводов таково, что все попытки повторить или дополнить русское собрание новелл Пу Сун-лина кончались неудачей: рядом с переводами В.М.Алексеева все другие выглядели бледно и невыразительно.

Ольга Лазаревна не ставила своей задачей повторить сделанное В.М.Алексеевым или превзойти его. Но она избрала предметом своего исследования двух современников Пу Сун-лина, причем, по примеру учителя, она выполнила переводы наиболее представительных в истории китайской новеллы произведений обоих авторов и снабдила эти переводы обширными исследовательскими статьями, впервые в европейской филологии столь подробно повествующими о жизни и творчестве этих писателей. Первым вышел в свет сборник Цзи Юня "Заметки из хижины Большое в Малом" (1974). В научном оформлении перевода

книги Цзи Юня О.Л.Фишман проявила новаторство: она снабдила сборник указателем сюжетов с расчетом на последующее включение сюжетов китайских новелл в сводный указатель сюжетов мировой литературы и фольклора. Такая операция с китайскими сюжетами была проведена впервые. Книга сразу была замечена, и в 1976 г. по представлению французского академика П.Демьевиля удостоена премии Станислава Жюльена Академии надписей и изящной словесности при Французском Институте (как именуется официально Французская Академия Наук). Эта весьма почетная премия была основана более 120 лет тому назад крупнейшим тогда французским синологом С.Жюльеном и с тех пор ежегодно присуждается за лучшие труды в области китайской филологии. Впервые Ленинградскому отделению Института востоковедения она была присуждена в 1964 г. за серию публикаций китайских материалов из Дуньхуана (IV-XI вв.); О.Л.Фишман оказалась вторым у нас ее лауреатом. Сборник Юань Мэя "Новые записи Ци Се или "О чем не говорил Конфуций" вышел в свет в 1977 г. Книга была построена по тому же образцу, что и книга о Цзи Юне, и также была снабжена указателем сюжетов.

После окончания исследований о Цзи Юне и Юань Мэе О.Л.Фишман обратилась, наконец, к третьему новеллисту, труды о котором акад.В.М.Алексеева послужили отправной точкой ее работ по китайской новелле XVIII в., - к Пу Сун-лину. Теперь у нее было что сказать и о Пу Сун-лине сверх сказанного В.М.Алексеевым, ибо он не проводил сравнения творчества новелл трех авторов. Результатом была итоговая книга "Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв.: Пу Сун-лин, Цзи Юнь, Юань Мэй" (1980). Это была последняя монография, опубликованная ею при жизни. Один за другим О.Л.Фишман постигли два тяжелых удара: смерть отца и смерть мужа. Она стала часто болеть, проявляла уже меньшую общественную активность и все силы стала отдавать научной работе, насколько позволяло ей здоровье. За одним, впрочем, исключением. В начале 60-х годов в Ленинградском отделении происходили бурные дискуссии, в которых О.Л.Фишман играла весьма заметную роль. Если сказать кратко, суть дискуссии

состояла в том, сумеем ли мы силами ленинградских востоковедов написать историю культур народов Востока? Были скептики - в их числе автор этих строк - и оптимисты, одним из которых была Ольга Лазаревна. В итоге всеобъемлющей истории культур Востока не получилось, но на этом пути были весьма ощутимые результаты. Выразились они в создании серии "Культуры народов Востока. Материалы и исследования". Ольга Лазаревна с самого начала стала ответственным секретарем серии (возглавляется серия Ю.А.Петросяном). Здесь еще раз проявились и ее организаторский талант и ее энтузиазм, научный и общественный. Только в последние два-три года ее жизни она отказалась от этой должности, оставшись членом редколлегии.

Научная работа, которую упорно, несмотря на болезни, продолжала Ольга Лазаревна, была посвящена той теме, с которой она когда-то начинала свою научную жизнь: Китай и Европа. Она задумала большую двухчастную монографию под этим названием, причем одна из частей должна была называться "Китай в Европе", а вторая - "Европа в Китае". Материал был собран, книга вчерне написана и обсуждена на секторе. Все выступавшие отмечали уникальность написанного, важность труда для изучения проблемы Восток-Запад и многие несомненные достоинства новой книги. Были и замечания, часто требующие дополнительного привлечения ряда материалов. Автор хотела замечания учесть, но не успела сделать это в полной мере и не успела "причесать" книгу, как это требуется для издания.

Ольга Лазаревна была весьма сердечным человеком в отношениях с окружающими - все равно старшего, среднего или младшего поколения. Она никогда не жалела своих сил, если знала, что сделанное будет на пользу другим. Она активно участвовала в подготовке к печати сочинений В.М.Алексеева, стала одним из основных организаторов и подготовителей избранных трудов Н.И.Конрада (в нескольких томах), она же приводила в порядок бумаги безвременно скончавшегося Б.Б.Вахтина, много сделала для издания поэтического наследия А.И.Гитовича. Мимо ее внимания не проходила ни одна работа дальневосточников, она для всех

находила и одобряющие слова, и слова благожелательной критики. Хотелось бы, чтобы представители молодого поколения, которым она уделяла столько внимания при жизни, нашли время для приведения ею написанного в такой вид, чтобы издательство приняло книгу в печать.